

Переводчик на язык кино

За новый фильм Алексея Балабанова борются фестивали

Общая сабета. - 1998. - 5-11 февр. - с. 10

Алексей Балабанов 16 лет назад окончил переводческий факультет Горьковского педагогического института иностранных языков. Но ни педагогом, ни переводчиком, к счастью, не стал. Зато теперь английский служит ему хорошим подспорьем для профессионального общения с коллегами-кинематографистами на международных кинофестивалях, куда сегодня наперебой приглашают создателя в разной степени знаменитых «Счастливых дней» (по пьесе Беккета), «Замка» (по роману Кафки), «Трофима» и «Брата», телепремьеру которого представило недавно НТВ.

Мастер создавать на экране замкнутые миры, абсолютно самостоятельные и словно не зависящие от воли режиссера, Балабанов и сам не слишком приветствует попытки журналистов или иных сторонних людей нарушить его собственное «персональное пространство». Сейчас он завершает работу над картиной, которая имела рабочее название «Тихие люди», а теперь называется «Про уродов и людей». Это история о разрушительной силе

человеческих страстей, снятая в стиле фотографий начала века.

— Вы принимали участие в шумевшей акции протеста против засилья кинофестивалей, которая проходила у стен «Ленфильма»?

— Да я про это и не знал ничего. И вообще, в битвах такого рода не участвую. А фестивали, считаю, нужны: ведь это единственное место, где ты можешь оценить современный уровень кино, чему-то научиться...

— Вы сами пишете сценарии для своих картин. Я знаю, что пишутся они всегда очень быстро. Сколько времени ушло на «Брата», о котором уже полгода продолжают споры?

— Дня три-четыре. А что тут удивительного? Написать сценарий — значит просто изложить готовые мысли на бумаге. Это придумываешь долго. «Брата» я полгода придумывал.

— А кто придумал отправить учиться в Горький мальчика из Свердловска?

— Да родители, конечно. В Горьком тогда был самый сильный переводческий факультет в

Союзе, вот они и пристроили туда сына-дурака...

— Каким ветром вас прибило к кино?

— Поначалу я предполагал заниматься языком в кино, потом начал писать и учиться пошел на Высшие курсы именно на сценариста. Год мы отучились, а потом Витя Косаковский (тот самый, который получил только что «Триумф») встал с заднего ряда и сказал, что на самом деле мы все тут хотим быть режиссерами. Речь его была длинной, косноязычной, но очень правильной. Клим Лаурентьев, наш педагог, тогда подумал-подумал и решил: а почему бы ребятам и не попробовать? Выдали нам семерым по 12 с половиной тысяч рублей, и размахались мы снимать кто куда. Все семь фильмов получились очень приличными, как ни странно. Их официально окрестили «курсом авторского кино» и продлили нам учебу еще на год. А Борис Давидович Галантер начал нам читать курс режиссуры.

— За восемь лет вы сняли семь фильмов, начиная с того самого документального дебюта «Настя и

Егор». Почти все они так или иначе стали событиями в мире кино, почему же я отовсюду слышу, что вы свои фильмы не любите?

— Ну, и что? Да, никакого особенного трепета я по отношению к своим работам никогда не испытывал. Пожалуй, меньше других меня раздражает «Трофим» из альманаха «Прибытие поезда». Наверное потому, что он маленький. Остальные — не люблю. И никогда не пересматриваю заново.

— Вам процесс интереснее результатов?

— Мне всегда идея нравится гораздо больше, чем ее реализация. Потому что на этой второй стадии происходит очень много потерь, которые страшно разочаровывают. Это закон, по-другому не бывает. Во всяком случае, у меня. Только через много лет, когда забывается первоначальная идея фильма, сам он перестает меня раздражать.

— А призы, которых вы уже получили немало за столь нелюбимые вами работы, тоже раздражали?

— Приз получать очень приятно. Раньше я придавал этому очень

большое значение. Но теперь, когда механизм раздачи призов мне известен, я и на этот счет успокоился.

— Вы можете про себя сказать: «self-made man» — человек, сделавший себя сам?

— По большому счету, учителей в кино не бывает. Тот, кто приходит сюда с определенной идеей, сам так или иначе ее и реализует. Кумиров у меня нет: любимых фильмов много, и все они очень разные. Я люблю кино профессиональное, странное и очень эмоциональное — чтобы энергия была. Причем на разных этапах развития кино мне нравятся совершенно разные фильмы — потому что каждому времени соответствует своя энергия.

Самое страшное в кино — это халтура. Например, хваленый фильм Джона Ву «Без лица» — это на самом деле очень нестыльная, неинтересно и просто плохо. Я сидел и весь фильм злился.

— У вас всегда такие сильные зрительские реакции?

— Ну, я же не могу выключить кино на середине! Фильм надо смотреть до конца.

— Какие еще правила для вас непреложны?

— Человек должен быть порядочным...

— ...добрым?

— Необязательно. Доброта — понятие расплывчатое. Много вы видели добрых режиссеров?

— Говорят, что вы человек довольно колочий. По крайней мере, журналисты вас побаиваются. Не любите нашего брата?

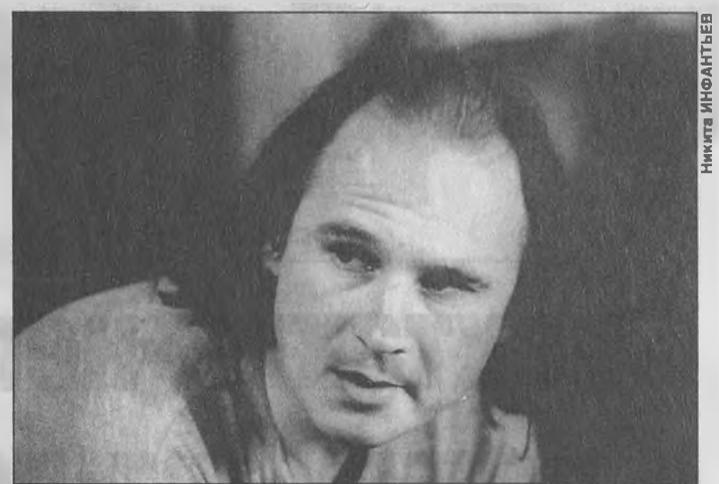
— Не в этом дело. Просто журналистам надо, чтобы им длинно рассказывали, а я рассказывать не люблю. Я люблю кино снимать. Хотя вовсе не считаю, что кинематограф — это такое великое искусство, которое как воздух необходимо народу.

— Для кого же вы снимаете кино?

— Я? Да как все режиссеры — для себя. Правда, сейчас появилась новая тенденция — снимать кино для денег. Это менее интересно.

— А если нужда заставит?

— Зарекаться не буду, но пока — не собираюсь. Деньги как таковые мне не нужны: жилье есть, без

НИКИТА ИНФАНТЕВ

машины легко обхожусь. Много ли человеку надо, чтобы жить?

— Вы согласны с критиками, которые пишут, что Балабанов в своих картинах исследует тему «маленького человека»?

— А кто из нас большой? Человек слаб и мал. Я не про идеи снимаю, а про жизнь.

— Какое кино вы никогда не будете снимать?

— Наверное, мелодраму. По крайней мере, сценарий такой, как «Сангам» или «Майерлинг», чтоб все рыдали, — точно написать не смогу.

— Говорят, что 98-й год грозит неудержимым российским кинобумом. Вы разделяете этот оптимизм?

— Фильмов действительно

выйдет много. Хотелось бы обнаружить среди них хоть сколько-нибудь хороших. А вот с этим будут проблемы. Тут и я вам предсказать берусь. За годы простоя кино начисто потеряло профессионалов «второго эшелона» — тех, кто собственно и делает картину: операторов, монтажеров, декораторов, вторых режиссеров.

— Ваш последний фильм еще никто не видел. Вы не расскажете о нем поподробнее.

— Фильм, который можно пересказать словами, и снимать не стоит.

Беседовала
Татьяна ПОЗНЯК
Санкт-Петербург